

Петеръ: КРАСАВИЦА.

Гравюра Ганса Вейдица (16 вѣкъ.)

ВВЕДЕНІЕ.

Слова, которыя Гансъ Вейдицъ написалъ подъ своей смѣлой гравюрой по дереву: „Кто хочетъ возвеличить сладострастіе, тотъ пусть увѣнчаетъ свинью въ грязной лужѣ“, были вполне умѣстнымъ моральнымъ поученіемъ не только для грубо-чувственной эпохи 16-го столѣтія,—они вполне справедливы по отношенію къ любому времени и къ любому народу и даже къ каждому отдѣльному индивидууму. Однако, къ этому поученію, въ качествѣ не менѣе важнаго принципа, слѣдовало бы добавить еще одно положеніе: а именно, что и противоположная тенденція, желаніе представить сладострастіе въ самомъ низменномъ свѣтѣ, приводитъ тоже къ противокультурному результату, къ творческому безсилію. Это положеніе также справедливо въ приложеніи къ любой эпохѣ, къ любому народу и къ каждому отдѣльному индивидууму.

Величайшими соблазнами въ исторіи человѣчества были всегда: моральная распущенность и творческое самоотреченіе. Это объясняется тѣмъ, что причинныя тенденціи какъ

распущенности, такъ и аскетизма, представляютъ собою тяжкое преступленіе противъ основного закона всякой сознательной жизни. Съ того момента, какъ человѣчеству стало это яснымъ, оно начало создавать законы общественной нравственности; съ каждымъ новымъ познаніемъ общество переиначивало, исправляло или ухудшало эти законы, въ зависимости отъ того, прогрессировало ли культурное развитіе или устремлялось по ложнымъ путямъ. Написать вѣрную и безпристрастную исторію этихъ законовъ будетъ одной изъ главнѣйшихъ задачъ исторической науки, а объективное разрѣшеніе всѣхъ предстающихъ здѣсь вопросовъ дастъ несомнѣнно богатѣйшій матеріалъ. Пусть возражать намъ, что это давно уже признано наукой. Возможно, что такъ, возможно, что принципиальное признаніе давно уже состоялось, но, съ другой стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что необходимые и неизбежные выводы отсюда были извлечены далеко еще въ недостаточной степени. Кто окинетъ взглядомъ обширную область исторіи нравовъ, тотъ увидитъ тотчасъ же множество необработанныхъ участковъ и убѣдится, что вообще до сихъ поръ воздѣлана лишь ничтожная часть этой огромной области. Мы видимъ почти полное отсутствіе обстоятельныхъ трудовъ даже по такимъ сравнительно легкимъ и близкимъ намъ вопросамъ, какъ напримѣръ, по вопросамъ моды, танца и языка. Въ какой мѣрѣ законы эротики вліяютъ на развитіе моды, въ какой мѣрѣ они накладываютъ свой отпечатокъ на каждую, повидимому, случайную и незначительную деталь ея, это не показалъ еще исторически ни одинъ авторъ, располагающій серьезными и безспорными документами. То же нужно сказать и объ эротическихъ основаніяхъ всѣхъ танцевъ, хотя, правда, въ современныхъ танцахъ не осталось и слѣда мягкихъ и скрытыхъ формъ эротики. Возьмемъ, напримѣръ, два наиболѣе модныхъ танца послѣдняго времени, кэкъ-уокъ и матчишъ. Присмотрѣвшись къ нимъ ближе, даже самый наивный человѣкъ отброситъ всѣ сомнѣнія касательно сущности всѣхъ па и деталей этихъ танцевъ. Оба не что иное, какъ причудливая, грубо-прозрачная, ритмичная символизация полового акта. Это объясняетъ въ то же время загадку ихъ столь

неожиданной и большой популярности. Такого рода историко-культурныя изысканія, какъ это и ему подобныя, наряду съ необходимымъ научнымъ проникновеніемъ въ сущность вещей предполагаютъ абсолютно точную передачу и полный отказъ отъ шепетильности по отношенію ко всякаго рода щекотливымъ вопросамъ. Нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи наблюдаются уже и сейчасъ въ области исторіи культуры; такъ, упомянемъ, на примѣръ, о трудахъ Эжена Дюрера (д-ра Ивана Блоха) и Фридриха Крауса. Изъ работъ послѣдняго укажемъ въ особенности на „Антропфитею“, вышедшую до сего времени въ четырехъ солидныхъ томахъ. Цѣнность этого произведенія, доступнаго только ученымъ и библіотекамъ, заключается прежде всего въ обилии сообщаемого въ немъ фактическаго матеріала, который чрезвычайно важенъ для изслѣдователя особенно фольклористическомъ отношеніи. Большую пользу приносятъ также полныя и точныя переизданія эротической литературы и искусства прошлыхъ вѣковъ. Тутъ нужно, однако, замѣтить, что переизданіе не всякой рѣдкой и старинной порнографіи оказываетъ цѣнную услугу построенію столь недостающей въ настоящее время исторіи нравовъ.

* * *

Эротика наполняетъ собою или образуетъ всѣ отношенія между мужчиной и женщиной. Нѣтъ вообще никакихъ интимныхъ отношеній между двумя нормальными лицами разныхъ половъ, которыя не имѣли бы эротическихъ основаній и въ которыхъ, слѣдовательно, не принимали бы участіе извѣстные чувственные моменты. Мы исключаемъ, разумѣется, родственныя отношенія и отношенія между здоровыми людьми рѣзко отличныхъ другъ отъ друга возрастовъ. „Тѣсная дружба“ между зрѣлыми въ половомъ отношеніи людьми, гордящаяся отсутствіемъ какой бы то ни было чувственности, въ девяносто случаяхъ изъ ста несомнѣнная ерунда и иллюзія. Иллюзія, создаваемая частью изъ трусости, частью умышленно; въ наиболѣе невинныхъ случаяхъ это самообманъ.

Въ южныхъ странахъ, гдѣ жаркое солнце заставляетъ кровь струиться быстрѣе и горячѣе, гдѣ чувства болѣе пламенны, требовательны и ненасытны, тамъ этотъ истинный обликъ руководящаго закона предстаетъ особенно открыто и ярко. Въ особенности въ крестьянскомъ быту и въ слояхъ населенія, мало покрытыхъ еще лакомъ культуры, этотъ законъ проявляется на каждомъ шагу съ такой вулканической силой, что нужно быть совершенно глухимъ или слѣпымъ, чтобы его не замѣтить. Здѣсь эротика находитъ себѣ выраженіе въ самыхъ откровенныхъ словахъ и поступкахъ, здѣсь не пользуются фигуральными выраженіями, здѣсь ее, какъ самую естественную вещь въ мірѣ, называютъ своими именами, здѣсь не скрываютъ того, что она въ то же время и самое цѣнное и важное въ мірѣ. То, что характеризуетъ мужчину, его потенція, находится въ центрѣ всего мышленія и чувствованія. Это величайшая гордость зрѣлаго человѣка, этимъ онъ открыто и громко кичится. Возлюбленная, невѣста, молодая женщина и печальная вдова открыто и громко называютъ это центромъ всѣхъ ихъ чувствъ, желаній и счастья. Чрезвычайно цѣнное доказательство этого мы нашли въ одномъ изъ сообщений, имѣющихся въ сочиненіи Кнайтъ. „A discourse on the Worship of Priapus“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1785 году и представляющемъ въ настоящее время большую рѣдкость. Тутъ описывается процессія, состоявшаяся 1780 году въ Изерніи близъ Неаполя, въ церкви св. Козьмы и Даміанна. По дорогѣ этой процессіи женщинамъ и дѣвушкамъ, участвовавшимъ въ ней, продавали фаллическія восковыя фигурки, которыя и приносились покупателями въ жертву св. Козьмѣ. Подобно тому, какъ при различныхъ болѣзняхъ рукъ, ногъ, пальцевъ и т. п. святымъ, которыхъ молятъ объ исцѣленіи, приносятъ въ жертву восковыя изображенія больныхъ членовъ тѣла, такъ и здѣсь дѣвушки и женщины несли фаллическія фигурки, чтобы вымолить себѣ избавленіе отъ безплодія, или потенцію своимъ мужьямъ и возлюбленнымъ. Авторъ описываетъ характерную сцену, разыгравшуюся при этомъ: Одна молодая, красивая женщина принесла большой фаллусъ и обратилась съ слѣдующей мольбой: „Santo Cosimo benedetto, così lo voglio“. Какая изуми-

Пуссенъ. Спящая Венера и сатиры.

Ванъ и Апполонъ. (Ант. мрам. группа. Ватиканскій музей.)

А. Дюреръ. Лукреція.

Крамхъ. Лукреція.

Венера. (Нац. Музей въ Неаполѣ.)

Средневековая жизнь.

тельная наивность! Предстояла ли этой молодой женщинѣ близкая брачная ночь или она рѣшила уступить горячимъ мольбамъ возлюбленного, это вопросъ второстепенный. Важно лишь то, что единственнымъ идеаломъ, преисполнявшимъ любовь этой женщины, было желаніе, чтобы возлюбленный въ ожидаемую сладостную минуту оказался въ состояніи даровать ей высшее сладострастное наслажденіе. И это она говоритъ открыто передъ всѣми, каждый можетъ слышать ея слова, она иллюстрируетъ ихъ кромѣ того еще изображеніемъ, которое наглядно свидѣтельствуетъ даже о размѣрахъ ея желаній. И она не исключеніе,—тысячи женщинъ говорятъ и поступаютъ такъ, какъ она. Разгадка, положимъ, не трудна: это возрожденіе стараго фаллическаго культа. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что любвеобильная дочь неаполитанскаго юга въ сердечной своей простотѣ считаетъ совершенно естественнымъ обратиться къ святому со такой мольбой. Мысль о томъ, что такая просьба по отношенію къ нему неумѣстна, не можетъ притти ей даже въ голову. Если святой исцѣляетъ отъ болѣзней и медуговъ, то онъ способенъ позаботиться и о томъ, чтобы ея возлюбленный соотвѣтствовалъ ея идеалу мужчины. Такого рода факты лучше освѣщаютъ народную психику, чѣмъ всевозможныя другія изслѣдованія и наблюденія.

Жители сѣверныхъ странъ обладаютъ нѣсколько иной организаціей,—у нихъ не всегда дѣло доходитъ до такихъ яркихъ проявленій чувственности. Впрочемъ, относительно только что описанныхъ южно-итальянскихъ обычаевъ нужно замѣтить, что аналогичныя явленія можно встрѣтить во всѣхъ католическихъ странахъ; кому приходилось внимательно осматривать церкви глубоко набожныхъ Тироля и Баваріи, тотъ не разъ, навѣрное, находилъ весьма выразительныя изображенія, оставленныя тамъ какой-нибудь рослой тиролькой или красивой баваркой. Помимо этого германская литература, не меньше, чѣмъ всякая другая, изобилуетъ доказательствами на тему: что самое важное въ любви? Упомянемъ хотя бы о безчисленныхъ эротическихъ шуткахъ и пьескахъ, о масляничныхъ играхъ 15-го столѣтія, о народныхъ пѣсняхъ, многочисленныхъ пословицахъ и прибауткахъ и пр. Мотивъ физической потенціи играетъ